

Э.Ш. Меметова

Таврический национальный университет
им. В.И. Вернадского

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Стилистическая дифференциация языка есть «ответная реакция» системы на испытываемое ею воздействие общества. «Основанием для дифференциации речи обычно являются различия в условиях общения: в форме речи, сфере общения, форме общественного сознания и мышления, типе содержания, коммуникативном задании, во взаимоотношениях между участниками речевого акта, в социальном статусе говорящего и т. д.».

«Между стилями языка и стилями речи не существует каких-то резко выраженных граней». Общеизвестно, что функциональными стилями чаще всего называют разновидности речи. «Речь – конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму». Разновидности речи могут обладать, а возможно, и обязательно обладают теми или иными специфическими для них языковыми показателями, но выделяются они на основании экстралингвистических различий в обстоятельствах общения. Разновидностями речи являются, например, речь научная, речь публицистическая, речь устная и речь письменная, речь обиходно-бытовая и т. д. О причинах, на основании которых одни разновидности речи признаются стилями, а другие нет, прекрасно сказано в статье Е.Ф.Петрищевой. Термин *стилистические средства* иногда заменяют термином *стилевые средства*; при противопоставлении средств, закрепленных за стилями, экспрессивно-стилистические средства первые называют *функционально-стилистическими средствами*. Некоторые сторонники данной характеристики стилистически маркированных средств отмечают, что исключительное или преимущественное употребление языковых фактов в той или иной речевой ситуации (обстановке) приводит к возникновению устойчивых ассоциаций между этими языковыми фактами и данной речевой обстановкой; слова получают своеобразный отпечаток привычной для них речевой среды, приобретают стилистическую окраску.

В последнее время в лингвостилистике получили также распространение термины *коннотация*, *дополнительная информация*, *стилистическое (коннотационное) значение*, *стилистическое сознание*. Все они обозначают то же, что и термин *окраска*. Иное содержание вкладывает в термин *стилистическое значение* Т.Г.Винокур. Следует также иметь в виду «способность языковых элементов вызывать вне текста стилистическое впечатление, а в текст вносить «определенную настроенность», но последние, согласно определению Ю.С.Сорокина, своей внутренней формой указывают отношение этой способности к их семантике. По распространившейся среди сторонников данной характеристики стилистически маркированных средств точке зрения, стилистические признаки накладываются на собственно лексическое значение слова: «разного рода «стилистические моменты» всегда являются лишь некоторым дополнением, своего рода «обертоном», накладываемым на собственно значение, смысловое содержание данного языкового средства».

Сами исследователи, наверное, не придают этому разнообразию характеристик стилистически маркированных средств принципиального значения. Во всяком случае, как видим, никаких противопоставлений одних определений понятия этих средств другим не делается.

Действительно, может показаться, что характеристика стилистически маркированных средств как элементов, употребляющихся в ограниченных условиях общения, и характеристика их как эле-

ментов, обладающих способностью вызывать стилистическое впечатление, различаются лишь тем, что в одном случае на первый план выдвигается один, а в другом – другой из двух признаков этих средств.

Для того, чтобы установить, существенна ли разница между отмеченными характеристиками, целесообразно обратиться к высказываниям о составе стилистически маркированных средств, об их дальнейшей судьбе, о задачах их изучения. Если эти характеристики указывают разные дифференциальные признаки, это неизбежно должно сказаться (пусть у отдельных авторов и не всегда последовательно) на решении указанных вопросов.

а) Разногласия по поводу состава стилистически маркированных средств, которые были отмечены нами ранее, в основном объясняются именно различиями между характеристиками их как элементов, которые употребляются преимущественно или исключительно в определенных речевых условиях, и их характеристикой как элементов, вызывающих стилистическое впечатление. Зависимость от этих характеристик обнаруживается в аргументах, к которым прибегают исследователи, доказывая или, напротив, отрицая принадлежность к стилистически маркированным средствам терминологии.

Сторонники первой характеристики этих средств относят к ним терминологию на том основании, что термины употребляются исключительно или преимущественно в соответствующих «стилях» (научном, техническом, публицистическом и т. п.) и их разновидностях. При этом отмечается, что они являются «ведущим наименее заметным, наиболее существенным» признаком этих стилей, «подчиняющим себе всю общеупотребительную лексику, поскольку последняя подпадает в план научного изложения», «наиболее распространенным средством выражения научных понятий и несет в себе научно-познавательную функцию», что использование их «вызывается стремлением к наиболее полному соответствию форм языка содержанию высказывания».

Исследователи, характеризующие стилистически маркированные средства как элементы, обладающие окраской (экспрессией), относят к этим средствам терминологию потому, что находят в ней те или иные экспрессивные свойства. Так, по мнению О.С.Ахмановой, термины разных специальностей «имеют общую стилистическую характеристику, которую можно назвать прозаизмом», и противопоставлены в этом отношении «высоким» словам. Ю.М.Скрёбнев также считает несостоятельным мнение, что термины лишены стилистической окраски. «Справедливо лишь то, – говорит он, – что они обычно не содержат, или не должны содержать, субъективно-эмоциональных коннотаций. Однако их повышенная, сравнительно с нейтральными словами, эстетическая, и, тем самым, экспрессивная ценность несомненна. Термин ассоциируется с малознакомыми для среднего носителя языка социально авторитетными профессиональными речевыми сферами: он концентрированно выражает понятие, для обозначения которого неспециалист прибегает к развернутым описательным оборотам, и своим лаконизмом приносит получателю речи интеллектуальное удовлетворение».

Исключение же терминологии из состава стилистически маркированных средств мотивируется этими исследователями отнюдь не тем, что термины используются за пределами специальных сфер употребления, а отсутствием у них окраски. Сравните: «... нейтральными по своей природе, несмотря на свое специальное назначение, являются и слова- термины, как прямые и точные обозначения определенных понятий».

Принципиальный характер отличий первой характеристики стилистически маркированных средств от второй отражается и в спорах о принадлежности к этим средствам эмоционально-экспрессивных языковых фактов.

Сторонники характеристики стилистически маркированных средств как элементов с ограниченной сферой употребления считают, что экспрессивные элементы не могут быть отнесены к этим средствам потому, что экспрессивных стилей не существует. Однако некоторые исследователи выделяют и таковые. Окраска книжная и разговорная, с одной стороны, и окраска экспрессивная, с другой, рассматриваются в связи с этим как принципиально разные явления. Сравните: «...когда мы характеризуем стилистическую окраску слова, имеем в виду тот функциональный стиль, в котором это слово регулярно используется... Эмоционально-экспрессивная окраска слова связана со способностью слова воздействовать на наши чувства, вызывать у нас те или иные эмоции. Когда мы определяем эмоционально-экспрессивную окраску слова, подразумеваем те чувства, которые данное слово нам передает или в нас возбуждает».

Д.Н. Шмелев включает «те экспрессивные элементы, которые устойчиво и однозначно характеризуют само явление, которое отображает слово» (например, в крымскотатарском: *кибирлик*

‘высокомерие’, *чакъув* ‘донос’, *зайыф* ‘хилый, слабый, немощный’ и др.), в понятие «лексическое значение». Свое мнение он аргументирует тем, что экспрессивно-стилистическая окраска – это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается смысл, связанный с данным звуковым комплексом.

Признание способности вызывать вне контекста то или иное стилистическое впечатление дифференциальным признаком стилистически маркированных средств дает основание относить к ним слова типа: *олюм* ‘смерть’, *мезарлыкь* ‘кладбище’ и т.п. Ю.М.Скребнев, например, так объясняет, почему такие слова как *къуванч* ‘радость’, *кедер* ‘грусть’, *факъырлыкь* ‘нищета’, *дженазе* ‘похороны’ и т. д., не являются «абсолютно нейтральными в стилистическом отношении»: хотя, говорит он, они и «лишены ярко выраженной, бросающейся в глаза экспрессии – субъективных эмоционально-оценочных сем», но «каждое из этих слов порождает вполне определенные ассоциации, соответствующим образом настраивает получателя (адресата) речи».

б) О принципиальной разнице между характеристикой стилистически маркированных средств как элементов с ограниченной сферой применения и характеристикой их как элементов, вызывающих стилистическое впечатление, говорит и несомненная зависимость от них мнения о количестве таких средств в современном крымскотатарском языке и об их дальнейшей судьбе.

Согласно широко распространенному мнению, в настоящее время единиц с четко выраженным стилистическим характером мало (в основном это терминологическая лексика), во всяком случае, меньше чем в предшествующие эпохи, между тем как число стилистически нейтральных единиц возросло, причем процесс нейтрализации стилистически отмеченных средств будет продолжаться и дальше: «...ведущей тенденцией развития и взаимодействия стилей является постепенная утрата ими элементов с языковой функциональной окраской (за исключением терминов)».

Решительно возражает против мнения о нейтрализации книжных слов и оценки этого явления как прогрессивного, как свидетельства нейтрализации книжных слов и оценки этого явления как прогрессивного, как свидетельства демократизации литературного языка А.К.Панфилов.

Вывод о том, что стилистически маркированные и стилистически нейтральные языковые факты с трудом разграничиваются и что число первых неуклонно уменьшается, принадлежит сторонникам первого понимания маркированных стилистических средств. И это, очевидно, не случайно.

В наше время мало языковых единиц, которые замыкались бы в определенных типах, видах и жанрах речи. К ним относятся так называемые некодифицированные элементы. Имея в виду главным образом их, О.А. Лаптева говорит, что признаком разговорных средств является широкая распространенность внутри разговорной речи и практическое отсутствие за ее пределами.

Редко выходят за пределы научной, технической и т. д. сфер употребление узкоспециальные термины. Однако часть терминов особенно актуальных и общественно значимых наук (в наше время это физика, математика, биология, медицина), подвергаясь образному переосмыслению, более или менее широко используется в языке публицистики, в художественной прозе, в поэзии, в разговорной речи.

Относительно книжных и разговорных средств также существуют разногласия. Одни авторы *книжной речью* называют *письменную речь*, *разговорной* – *речь устную*. Другие под *книжной речью* понимают *речь публичную* – «речь, которая обслуживает разнообразные потребности, связанные с политикой, наукой, литературой, административной и хозяйственной деятельностью», а под *разговорной* – *речь обиходно-бытовую*, «обслуживающую потребности речевого общения по текущим жизненным вопросам». Е.А.Земская характеризует разговорную речь (противопоставляя ее кодифицированному литературному языку) как речь «1) неподготовленную, 2) обнаруживающуюся в условиях непосредственного общения, 3) при отсутствии официальных отношений между участниками речевого акта». О.А. Лаптева указывает границы разговорной речи негативно (по ее мнению, содержание термина *разговорная речь* шире, чем «обиходно-повседневная речевая сфера», «разговорный тип письменно-литературного языка», «устная форма существования языка»), видимо, пытаясь установить их по сфере употребления разговорных элементов. Но так как признаком этих элементов она считает *широкую распространенность* внутри разговорной речи и практическое отсутствие за ее пределами, получается своего рода заколдованный круг.

Ясно, что чем чаще те или иные языковые факты употребляются вне сферы речи, за которой они, как представляется исследователю, закреплены, тем более неопределенным должен казаться ему стилистический «облик» этих фактов. И, естественно, что даже те, кто считает отличительным признаком

стилистически отмеченных средств не исключительное, а лишь преимущественное употребление в определенных «стилях», приходят к заключению, что в современном литературном языке круг таких средств ограничен в основном терминологической лексикой и что он (поскольку взаимопроникновение стилей становится все интенсивнее) чем дальше, тем больше будет сужаться.

Основанием для заключений о нечеткости стилистического характера слов, форм, конструкций и т. п. в таком случае может быть только сомнительность, неопределенность их стилистического звучания, а для заключений о незначительном числе стилистически отмеченных средств – единичность элементов, у которых эти свойства выражены достаточно ясно. Но это, в свою очередь, противоречит чутью. Слов, которые производят вполне определенное впечатление окрашенных (при том, что интенсивность их окраски может показаться большей или меньшей), очень много. Сравните, например, в крымскотатарском языке: *юзьсюз* – *шериятсыз* (бессовестный – бесчестный), *козь* – *назар* (взгляд – взор), *при козьлю* – *патлаккозь* (большеглазый – пучеглазый), *урмакъ* – *яндырмакъ* (ударить – треснуть) и др. У одного из слов каждой пары, в отличие от другого, ощущаются особенности, которые не сводятся к смысловым и воспринимаются как стилистические. В приведенном ниже примере: *авлакь* – *узакь* – *иракъ* (неподалеку – дальний – далеко) – два слова (*авлакь* и *иракъ*) представляются отличающимися от третьего стилистической маркированностью, а друг от друга ее – характером. Интересно здесь отметить и условия применения вышеозначенных примеров. *Иракъ*, к примеру используется практически только в выражении *айтылган еринден иракъ*, которое произносится в суеверном страхе при упоминании какой-либо плохой и неизлечимой болезни. И при родственной маркированности между словами может ощущаться стилистическая разница *хасталькъ* (болезнь) – *алсызлыкь*, *чаресизлик* (недомогание) – *меджалсызлыкь* (недуг), *ялан айтмакъ* (лгать) – *уфюртмек* (дурить), *къартана* (бабушка) – *къартий* (бабуля) – *къарт джады* (старая ведьма).

Таким образом, лингвисты, придерживающиеся второй характеристики, не без основания признают обилие и разнообразие стилистически маркированных средств, в том числе и в современном крымскотатарском литературном языке.

Следует отметить, что исследования, проведенные автором, показали, что число стилистически окрашенных слов в крымскотатарском литературном языке не только не уменьшается, но непрерывно увеличивается, причем как в результате размежевания избыточных, дублетных слов, так и за счет слов, являвшихся единственным способом обозначения соответствующих предметов, действий, качеств или нахождения их в определенном контексте и т. п.

в) От характеристик стилистически маркированных средств зависит и понимание задачи стилистической квалификации и дифференциации языковых фактов. Высказывания «под изучением слов и других элементов языка в стилистическом отношении следует понимать анализ их использования в речи, то есть анализ условий употребления и функций когда, где, зачем употребляются», и «вопрос реального разграничения различных стилевых пластов в лексике в подавляющем большинстве случаев сводится к установлению частотности и действительной распространенности той или иной лексемы, а также сочетаемости лексем в том или ином стилевом пласте языка» логически вытекают из первой характеристики *стилистически маркированных средств* и принадлежит ее сторонникам.

Высказывание же «вопрос о стилистической дифференциации слов выступает как вопрос о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются вследствие их предпочтительного или даже исключительного употребления в тех, а не других сферах человеческого общения» соответствует пониманию автором стилистически маркированных средств как элементов, *специфику которых составляет их окраска (экспрессия)*.

Итак, очевидна зависимость мнений о составе стилистически маркированных средств, их количестве, перспективах существования, задаче исследования от того, характеризуются ли эти средства как элементы, употребляющиеся в ограниченных речевых условиях (в результате чего они могут иметь определенную стилистическую окраску), или как элементы, которые (в результате употребления в определенных речевых условиях) имеют какую-либо окраску, вызывают те или иные ассоциации, заключают в себе какую-то дополнительную информацию. Эта зависимость говорит о том, что первая характеристика – с одной стороны, вторая – с другой указывают принципиально разные дифференциальные признаки стилистически маркированных средств. В одном случае специфика этих средств связывается с особенностями употребления, в другом – с теми или иными особенностями самих языковых единиц.

Каков же в действительности тот признак, которым стилистически маркированные средства отличаются от средств стилистически нейтральных?

Исследование языковых элементов, причисляемых лексикографами, синтаксистами и т. д. к стилистически маркированным средствам, показало их принципиальную неоднородность.

Прежде всего не все они, будучи взяты вне текста, способны вызывать какое бы то ни было стилистическое впечатление. Эта способность присуща, например, таким фактам разговорной речи, как имена существительные в крымскотатарском языке: *кок* 'небо', *юрт* 'юрта', *сув* 'вода' (тогда как, в контексте эти слова приобретают конкретную стилистическую окраску: *Кок Тенгри* 'Всевышний Тенгри', *Ана Юрт* 'Родной очаг', *Сув Анасы* 'Русалка').

Но термины, обозначающие узкоспециальные явления и понятия (поэтому они не имеют общеупотребительных синонимических соответствий), лишены какого-либо стилистического звучания. Например, взятые вне текста слова и словосочетания крымскотатарского языка *ялгъама* 'аффикс' *тамыр* 'корень' по производимому ими стилистическому впечатлению ничем не отличаются от слов *маса* 'стол', *отургъыч* 'стул', *китап* 'книга', *дефтер* 'тетрадь' и т. д.

Окраска прозаизма, которую отмечает у терминов О.С. Ахманова, с равным основанием может быть приписана любому выполняющему лишь номинативную функцию слов. Окрасить текст, создать впечатление соответствующей речевой обстановки они не могут. Не вызывают вне текста и не сообщают тексту какого-либо стилистического впечатления и такие бытовизмы, как *оджакъ* 'очаг', *таракъ* 'расческа', *къазан* 'казанок' и т. п., ни отклонения от кодифицированной нормы, например, *къонал* как стилистическая помета (узбекизм) и т. п.

Таким образом, стилистически маркированные средства крымскотатарского литературного языка делятся на две разнородные группы. Но являются ли отмеченные особенности этих групп их дифференциальными признаками?

Закрепленность терминов, бытовизмов, некодифицированных элементов за указанными выше ситуациями речи – результат того, что экстралингвистические факторы, которыми они порождены, обычны именно для этих речевых ситуаций. Если такой фактор проявит себя в какой-то другой, нетипичной для него обстановке речи, с ним вместе в нее могут быть перенесены и соответствующие языковые элементы. Так, термины существуют для обозначения предметов, действий и явлений в специальных областях деятельности и общения (научной, производственной, общественно-политической). Вместе с тем любой термин в принципе может быть употреблен и в обиходно-бытовых условиях, если речь пойдет на соответствующую тему. Некодифицированные элементы употребляются по преимуществу в устной обиходно-бытовой речи потому, что экстралингвистический фактор, которым они порождены – отсутствие предварительной подготовленности, обдуманности речи, ее спонтанность, – характерен именно для этой речи. Появление их в нетипических условиях – в устной речи небытового и даже специального содержания – объясняется «проникновением» в эти условия фактора спонтанности речи.

При переносе терминов, бытовизмов, некодифицированных элементов вместе с породившими их факторами в нетипические речевые ситуации они оказываются хотя и в чуждом окружении, воспринимаются вполне естественно. В отличие от них нейтральные средства в тех условиях, в которых они обычно не употребляются, не создают впечатления перемещения.

Из сказанного следует, что дифференциальным признаком рассмотренных языковых фактов является их органическая, неразрывная связь с теми экстралингвистическими условиями речи, которыми они порождены.

Способность вызывать вне текста то или иное стилистическое впечатление также нет никаких оснований считать дифференциальным признаком тех стилистически маркированных средств, которые обладают этой способностью. Дело в том, что этот признак, с синхронной точки зрения, является вторичным и производным.

1. Свойства языковых элементов, которыми он обусловлен, неоднородны. У слов типа: *ёлламакъ* 'посылать', *аскер* 'воин', *акъикъатта* 'воистину', *патлакъкозь* 'пучеглазый', *бакъабаш* 'с головой как у лягушки', *эзгелемек* 'тянуть время, нить', *меджалсызлыкъ* 'недуг' и т. д. способность вызывать стилистическое впечатление объясняется тем, что они содержат в себе ту или иную непредметную (не являющуюся указанием признаков обозначаемого предмета) информацию. Из сказанного, однако, не следует, что любая непредметная информация обуславливает стилистическую окраску слов и является стилистической. Слова не только окрашивают тексты, но и вносят в них

соответствующие сведения о сфере общения, форме речи, ее содержании, коммуникативном задании, взаимоотношениях между общающимися, о говорящем, о его отношении к предмету речи. Так, например, слово *къязыкъ* во фразе «...*бакъ онынъ юрюшине, къязыкъ юткъан дайын*» – ‘... посмотри, как он ходит, словно палку проглотил’, или *агъзы чарыкъ киби* – ‘рот, словно постол’ указывают на обиходно-бытовую сферу общения и на отрицательное (ирония, шутливость, насмешка) отношение говорящего к обозначаемому признаку (применительно к данному его носителю). Непредметная стилистическая информация является элементом содержания языковых элементов. Это информация дополнительная, вследствие меньшей ее необходимости для слова по сравнению с основной предметной и грамматической, о чем говорит существование стилистически нейтральных синонимов.

2. Стилистическое впечатление, вызываемое словами типа: *къуванч* ‘радость’, *ачыкъ къол* ‘щедрый’, *сербестлик* ‘свобода’, *бойсунмамакъ* ‘неподчинение’, *дарылмакъ* ‘обижаться’, *къызмакъ* ‘всплывать’, *джебе* ‘фронт’, *ачлыкъ* ‘голод’, *асретлик* ‘тоска’ и т. д., действительно основано на разного рода ассоциациях и потому представляет собой нечто внешнее по отношению к слову. Слова этой группы не способны вносить в тексты какие-либо непредметные сведения.

Поэтому элементы крымскотатарского языка, относимые нами, как и большинством лингвистов, к стилистически маркированным средствам, делятся на три различающихся по своим дифференциальным признакам группы: а) элементы, специфика которых – в их неразрывной связи с породившими их экстралингвистическими факторами; б) элементы, способность которых вызывать стилистическое впечатление обусловлена их ассоциативными связями с теми или иными речевыми обстоятельствами; в) элементы, способность которых вызывать стилистическое впечатление объясняется заключенной в них непредметной стилистической информацией.

Общей чертой, позволяющей все их считать стилистически маркированными, является то, что они противопоставлены – каждый своим дифференциальным признаком – стилистически нейтральным средствам.

Наша позиция определяется следующим положением: «при стилистической характеристике слова учитывается, во-первых, его принадлежность к одному из функциональных стилей или отсутствие функционально-стилистической закреплённости, во-вторых, эмоциональная окраска слова, его экспрессивные возможности». Однако рам рамки данного исследования не позволяют изучать и функционально-стилистическую закреплённость, и эмоциональную окраску слова и его экспрессивные возможности. Вследствие этого, кратко оговорив эмоциональную окраску и экспрессивные возможности слова, мы перейдем к детальному исследованию функционально-стилистического аспекта стилистически окрашенной лексики крымскотатарского языка, так как изучение именно этот аспект и является задачей нашего исследования.

П р а в и л ь н о выражать свои мысли и чувства – значит строго придерживаться литературных норм крымскотатарского языка. **Г о в о р и т ь т о ч н о** – уметь из множества синонимов выбрать наиболее подходящий, отвечающий требованиям выбранного стиля. **Г о в о р и т ь** выразительно – значит выбирать слова образные, эмоционально и экспрессивно обогащающие вашу речь.

Выразительность речи проявляется в разных формах. Писатель или поэт использует необычные синтаксические обороты или слова в переносном значении. Все эти средства являются образными средствами поэтического языка.

От выразительных средств художественной речи следует отличать выразительные средства звучащей речи. Повышение и понижение голоса, остановки в речи, сила особо выделяемого, важного по смыслу слова, тон, выражающий радость или грусть, гордость или порицание, одобрение – все это выразительные средства звучащей речи.

Немаловажную роль в речи играет интонация. Практически без интонации невозможна речь. Причем она является обязательным признаком устной, звучащей речи. Мастера художественного слова высоко оценивают это средство выразительности, называя интонацию «высшей и самой острой формой речевого воздействия».

В какой бы форме ни осуществлялась речь: в высказывании **с в о и х** мыслей и переживаний или в форме передачи **ч у ж о г о** текста – основой всегда является мысль, чувство, намерения говорящего, читающего. Сообщаемое должно быть и интересным, и доступным для понимания. Только при таких условиях достигается яркое, живое, конкретное представление о содержании читаемого произведения.

Под интонацией понимается сложный комплекс совместно действующих элементов (компонентов) звучащей речи. С точки зрения эмоциональной окрашенности речи нас интересует один из компонентов интонации, а именно – тембр, или оттенок, определяющий характер звучания, то есть эмоциональную окраску речи.

Тембр голоса является средством выразительности устной речи и чтения. Такие чувства, как волнение, грусть, радость, подозрение, все отражаются в голосе. В состоянии возбуждения голос меняется, это изменение и называется эмоциональной окраской.

В крымскотатарском литературном языке имеется немалый фонд с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Оттенки этой окраски чрезвычайно разнообразны, и обусловлены, естественно, отношением говорящего к предмету разговора. Выделяются следующие оттенки эмоционально-экспрессивной маркировки: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Характер маркировки может видоизменяться в зависимости от контекста. Однако важно то, что та или иная эмоционально-экспрессивная маркировка слова при этом остается, выразительные же качества слова позволяют ему войти в фонд стилистических образных средств.

Что создает окрашенность слов в литературном языке?

Экспрессивно-эмоциональная маркировка у слова возникает вследствие того, что само его значение содержит элемент оценки. Номинативная функция осложняется отношением говорящего к называемому явлению, а значит, экспрессивностью, которая, как правило, выражается через эмоциональность. Такие слова, как *будала* ‘глупец’, *зевзек* ‘болтун’, *керата* ‘сорванец’, *баштакь* ‘сорвиголова’, *музаффер* ‘победный’, *эдие* ‘дар’, *акимдар* ‘правитель’ и т. д. уже сами по себе несут экспрессивно-эмоциональный заряд и потому являются стилистически маркированными. Слова этой группы обычно однозначны, потому что заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях.

Следующая ниже лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи: *анькьав* ‘разиня’, *ачкозь* ‘ненасытный’, *акьылсыз* ‘придурок’, *патта-сатта* ‘иногда’, *гебермек* ‘сдохнуть’ и т. д., либо напротив, в книжно-торжественной: *урь* ‘свобода’, *сервет* ‘богатство’, *ашыкь* ‘влюбленный’, *месут* ‘счастливый’, *бенъиз* ‘лик’, *видждан* ‘совесть’, *гьайрет этмек* ‘проявлять рвение’, *фелек* ‘судьбина’, *рызыкь* ‘доля’, *эда этмек* ‘выполнять’.

Вторую группу составляют многозначные слова, которые в своем прямом значении обычно стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой оценочностью и экспрессивно-стилистической маркировкой. Такие слова условно называют с и т у а т и в н о – с т и л и с т и ч е с к и окрашенными. Например, о человеке: *азман* ‘трутень’, *эшек* ‘осел’, *топал ат* ‘хромающая лошадь’, *кьандалай* ‘клоп’, *кьузгьун* ‘ворон’, *тильки* ‘лиса’, *хораз* ‘петух’, *джанавар* ‘скотина’, *байтал* ‘кобыла’.

Третью группу составляют слова, в которых эмоционально-экспрессивная маркировка и вообще стилистические коннотации достигаются путем прибавления уменьшительно-ласкательного аффикса – *чыкь/–чик*. Например: *балачыкь* ‘ребенок’, *аначыгьым* ‘мамочка моя’, *достчыгьым* ‘дружочек мой’ и т. д.

Следующая подгруппа состоит из таких лексических единиц, в которых оценочность и экспрессия заключены не столько в значении слова, сколько связаны с традицией употребления данного слова. Именно традиция употребления видоизменяет значение слова или отражается на нем. Например: *шаане* ‘великолепный’, *эдеп* ‘благовоспитанность’, *акьылане* ‘благоразумно’, *атешин* ‘пламенный’, *эдинмек* ‘усердствовать’, *керем* ‘великодушие’, *федаийлик* ‘самопожертвование’, *ферах* ‘отрада’ и др. Здесь происходит едва уловимое семантическое преобразование. Стилистическая высота, торжественность, риторичность таких слов обусловлена традицией их употребления, преимущественно в письменной крымскотатарской речи. В связи с этим им присуще значение интенсивности положительного качества. Иногда же семантического преобразования не происходит вовсе, и лишь традиция употребления наделяет слово определенной эмоционально-экспрессивной окраской. Например: *кумсен* ‘лазурный’, *иззет* ‘честь’, *миннетдарлыкь* ‘признательность’, *абадан* ‘благоустроенный’, *чеченлик* ‘красноречие’, *усланмакь* ‘блаженствовать’, *шурет-перест* ‘честолюбивый’ и др.

Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной маркировки обычно делят на два больших разряда: с положительной и с отрицательной характеристикой.

Среди положительных оттенков выделяются *торжественно-возвышенные*: акъылане ‘благо-разумно’, шаане ‘великолепный’, фedaийлик ‘самопожертвование’; *возвышенно-поэтический*: кумсен ‘лазурный’, иззет ‘честь’, абадан ‘благоустроенный’, миннетдарлыкь ‘признательность’, чеченлик ‘красноречие’ это оценки общие и собственно экспрессивные.

В следующих случаях преобладает эмоциональная оценка: *одобрительные*: ферасетли ‘прозорливый’, сыджакъкъанлы ‘радушный’, эвддюмен ‘домовитый’, салтанат ‘царствование’, сабий ‘дитячко’, джесарет ‘подвиг’, алидженаплыкь ‘благородство’; *ласкательные*: джанчыгъым ‘душечка моя’, къозучыгъым ‘мой ягненок’, тосунчыгъым ‘мой бычок’; *шутливые*: босалакь ‘карапуз’, шына ‘шило’ (о ребенке), фыкъырдаукуь ‘юла’, ‘беспокойный’ (о ребенке).

Отрицательные оттенки еще более разнообразны: *неодобрительные*: амельперест ‘карьерист’, айкъырмакь ‘вопить’, къускъан ‘подхвостник’, дильбаз ‘болтун’, мызмыз ‘нудный’, нефисхор ‘человек с непомерными желаниями’, ошекчи ‘сплетник’, пахыл ‘завистник’, сарраф ‘транжира’, сомурдаукуь ‘ворчливый’, зиянкяр ‘зловредный’, фесат, фитне ‘смуа, раздоры’; *презрительные*: ялдызлы ‘лживый’ (перен.), къопаш ‘выпендрон’, къулюбе ‘лачуга’, ачкозь ‘обжора’, чолпа ‘неумелый’, тоймаз ‘ненасытный’, тонъкъа ‘тупой’, чакъыджы ‘продажный’, саткъын ‘изменник’, чанакъялар ‘лизоблюды’; *укоризненные*: резиль ‘постыдный’, утанмаз ‘бессовестный’, юзьсюз ‘бесстыдник’, яланджы ‘врун’; *иронические*: акъылдане ‘умник’, асылзаде ‘родовитый’, дюнья дюльбери ‘всемирная красавица’, ханым азиретлери ‘уважаемая госпожа’, келиши гузель ‘кое-как, как попало’, ханий ‘госпожа’, молла Сеттар ‘мулла Сеттар’, окъумыш сычан ‘образованная мышь’; *пренебрежительно-фамильярные*: хасис ‘подлый’, мыймыкь ‘мямля’, перишан ‘неопрятный’, джаиль ‘безграмотный’, шынышкь ‘человек, который постоянно хнычет’, ялтакь ‘подхалим’; *бранные*: матюв ‘глупец’, обюр ‘ведьма’, пезевенк ‘подлец’, тентек ‘дурень’, хаин ‘предатель’, хиянет злонамеренный’, къабакъбаш ‘тыквоголовый’, зампара ‘бабник’, бакъакозь ‘лягушачьи глаза’, къаргъа ‘ворона’ (о человеке) и др.

Например: – Эй, эбанай! Джады, обур, этнеджи, Юрек асла керекмей бай огълуна – Бай бала-сын бахты къылыч уджунда. – ‘Эй, повитуха! Ведьма, колдунья, нечисть, Сыну бая сердце вообще не нужно – Счастье сына бая на конце меча’.

Эти нюансы нередко с трудом уловимы и к тому же изменчивы: и исторически, и в зависимости от контекста. Однако даже при возможном изменении оттенка общая эмоционально-экспрессивная маркировка у этих слов всегда присутствует.

Окраска речи может быть создана по воле говорящего или пишущего, по его исполнительскому замыслу. Например, читая крымскую легенду Э. Фазыла «‘Вай, вай Анам!’ къаясы», словам младшего брата вы придаете упрямую твердую настойчиво-высокомерную окраску: ... Меним къулум оладжакь, Факъат меним Дегенимни этеджек! – ‘Будет моей рабыней, Только мною Сказанное будет делать!’ Словам же старшего брата уже придаете угрожающую окраску: ... Сус сен ярмаз, алчакъ... Тилингни тый – Шимди башынъ кетеджек.. – ‘Заткнись, ты негодный, подонок... Замолкни – Сейчас голова твоя слетит’. Словам же Зелихи мы придаем учтиво-ласковую окраску любящей девушки любящему ее охотнику Асану: Асан, агъам, Мурадынъыз эялдыр, Эбет, эбет... Джан-юректен инанам, Амма сизге Мен бир шейчик айтамам. Мен чокъ шейни Анъламайым, бильмейим, Мен чокъ шейнинъ Манасына етмейим... Сиз Анамнен Бир сэйлешип бакъынъыз, – Анайымнынъ Разылыгъын алынъыз). – ‘Асан, братец, Помыслы Ваши чисты, Конечно, конечно... Верю от всего сердца, Но Вам ничего сказать не смогу. Я многих вещей не понимаю, не знаю смысла многих вещей, не понимаю... Вы с Мамой поговорите, – Возьмите позволение у Моей мамы’.

Окраска речи может придавать словам противоположный смысл, например, в выражении *пек яман яхшы*, слово *яман* со своим обычным, хорошо известным значением ‘плохо’ выступает для усиления значения *яхшы* – ‘хорошо’, отчего вся фраза имеет смысл ‘великолепно’.

Как определить нужную окраску при передаче содержания текста? Только посредством его анализа. Необходимо внимательно вчитаться в содержание произведения, понять замысел автора.

В последнее время в работах, посвященных языку писателей, часто употребляются слова *эмоциональный, экспрессивный, экспрессия, эмоция, эмоционально-экспрессивный*, причем каждый из ученых вкладывает в них свое содержание.

Эмоции – это чувственная реакция организма на те раздражения, которые человек получает от окружающей среды; эмоция – чувство, переживаемое душевное волнение. Чувство, переживаемое человеком, может быть выражено языком, жестами, мимикой лица и другими несловесными способами.

Человеческие эмоции можно обозначить словами: *севмек* 'любить', *севинч* 'радость', *севильген* 'любимый', *севимли* 'любимый', *корьмеге козю олмагъан* 'ненавистный', *афакъанлангъан* 'разъяренный'; *гъурур* 'гордость', *гъурурлангъан* 'гордящийся', *гъурурлы* 'горделивый'. Сюда же можно отнести и следующие слова: *достлукъ* 'дружба', *муаббетлик* 'лад', *душманлыкъ* 'вероломство', *къытмырлыкъ* 'жмотство', *гъарез* 'ненависть', *мераметлик* 'милосердие', *кедер* 'грусть', *окюнч* 'печаль', *кулькю* 'смех', *зевкъ* 'удовольствие', *языкъсынув* 'сожаление', *ачув* 'злость' и мн. др.

Кроме слов, обозначающих чувства человека, в крымскотатарском языке можно выделить большое количество слов, с помощью которых выражается эмоциональное отношение к другим людям или явлению. Например, с отрицательным чувством мы называем некоторых людей: *алчакъ* 'низкий' (в значении подлый), *ибрет* 'чудовище', *къоркъунчлы* 'страшилище', *бетсиз* 'без стыда и совести', *арам* 'отвратный', *олмагъыр* 'непутевый', *хынзыр* 'свинья'; с положительным чувством: *джигеримнинъ парчасы* 'часть моей печени', *тувгъаным* 'родной мой' и др.

Посредством переносного значения многие обычные слова передвигаются в пласт слов, выражающих эмоцию ласки: *джаным* 'душа моя', *джаным-козюм* 'душа моя, зеница ока', *къозум* 'ягненок мой', *ярыгъым* 'свет мой', *дюньям* 'мир мой', *алтыным* 'золотце мое'. Нередко в речи обычные слова начинают выражать чувства злобы, презрения: *ишкыр сычан* 'деловитый', *мал* 'скотина', *эшек* 'осел', *эшектен асыл олгъан* 'произошедший от осла', *тувар* 'корова', *чочкъа* 'свинья' и т. д.

Писатели в своих произведениях нередко выбирают такие слова, которые помогают им создать или ярко положительный, или, наоборот, ярко отрицательный образ. Например:

Топалбейнинъ къарардан тыш залымлыгъы Тез арада бутюн ильге таркъагъан, Койлюлерге онынъ къойгъан салымлары Юреклерни яралагъан, тырнагъан. Намус-видждан не олгъанын бильмейип, Чокъ къызларны къара дертке огъраткъан, Ич кимсенинъ козьяшыны сильмейип, Чокъ эвлернинъ бахт оджагъын омраткъан. Ыргъатларгъа дегенини яптыргъан, Джарлыларнынъ джылавына тоймагъан, Мына бойле шу шефкъатсыз Топалбей Койлюлернинъ такъдиринен ойнагъан. – 'Переходящая все границы жестокость Топалбея В быстрое время разошлась по всей стране, Налоги, которыми он облагал селян, рвали им сердца. Не имеющий понятия о чести и совести, Многих девушек повергнул в черную печаль, Не вытирающий ничьих слез, Потушивший очаг счастья многих домов. Заставляющий рабов делать все, что пожелается, Не насыщающийся плачем нищих, Вот так этот жестокий Топалбей играл судьбами селян'.

Яваш-яваш йыл артындан йыл кечкен, Зелиха бир дюльбер къызгъа айлангъан, Эмегинен, ырыз-намус, сазынен Койдешлернинъ севгисини къазангъан. Куньден-куньге дюльберлешкен, назлангъан, ... Балдан татлы, акъылане сёзлери Койдешлернинъ яныгъыны сёндюрген. Онынъ назик, лякин чебер эллери... фырланталар токъугъан, Онынъ йырджы, севги толу леблери Озендеки акъкъан сувны токъататкъан. – 'Потихоньку проходил за годом год, Зелиха превратилась в красавицу, Трудом, честью и совестью, Заработала любовь селян. День ото дня все хорошела и становилась более привлекательной... Разумные ее слова, бывшие слаще меда, утешали односельчан. Ее нежные, однако умелые руки... ткали платки, Ее поющие, полные любви губы Останавливали текущую в реке воду'.

Для того чтобы с точностью передать замысел, некоторые авторы в качестве сравнения прибегают и к библейским сюжетам и героям. Например:

«Къалтыравукъ сесчигинен багъыргъан: Гедже байнынъ юкю юрген къадыны Эджуз–Меджуз эгизлерни догъурды...» – «Дрожащим голосом закричала: 'Беременная жена бая родила ночью близнецов Гога и Магога'».

Эджуз–Меджуз или Гоги и Магоги, известные библейские племена, отличающиеся кровожадностью, то есть здесь использованы автором для более конкретного осмысления происходящего, чтобы было понятно, кто появился на свет.

Эмоциональность крымскотатарской речи выражается особыми эмоциональными междометиями, частицами и, как мы упоминали, – интонацией. Например: *Ай да-а!* – 'Ну и ну!', *Ойле ми?* – 'Неужели так?'. И в первом, и во втором случае интонационно высказывается удивление.

Нами были рассмотрены некоторые способы выражения эмоций, чтобы показать суть самого явления в крымскотатарской речи на конкретных фактах языка. Слово «эмоция» – из французского *emotion*; в латинском – *emovere* – 'возбуждать', 'волновать'. «Эмоциональный» – значит «вызываемый эмоциями, основанный на чувстве». Эмоциональность в речи свидетельствует о богатой сфере чувств человека. Однако в лингвистических работах понятия «эмоциональный» и «экспрессивный» часто смешиваются. Но «эмоциональность в языке не следует отождествлять с экспрессивностью. Это разные явления». В некоторых же работах встречаем сдвоенные термины: «эмоционально-

экспрессивный» или «экспрессивно-эмоциональный», под которые подводится или только «экспрессивное», не содержащее никаких оттенков значения, относимого к чувству, или наоборот, под этим сочетанием мыслится «эмоциональное», хотя в исследуемом отрезке речи нет ничего, что указывало бы на эмоции, чувства. Что такое экспрессия в речи, в чем разница между эмоцией и экспрессией, как выражается экспрессия в крымскотатарской речи и языке?

«Экспрессивные средства в языке служат усилению выразительности и изобразительности как при выражении эмоции, воли, так и при выражении мысли, поэтому можно утверждать, что выражение эмоция в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна». Экспрессия проявляется не только в речи, но и в жесте, мимике, общем поведении и даже в работе человека. Необходимость различать экспрессивные и эмоциональные элементы в языке диктуется тем, что функциональные задачи у них разные, несмотря на их взаимосвязь. Эмоциональное стоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое находит свои способы выражения в языке. Экспрессия, экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное и волевое в их проявлении. Поэтому экспрессивность гораздо шире эмоциональности в языке. «Экспрессия, – по мнению Е.М.Галкиной-Федорук, – это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи».

Приведем примеры и эмоционального, и экспрессивного на конкретных фактах крымскотатарской речи, где роль экспрессии является преобладающей. Разговорные формулы, как и другие фразеологические единицы, обладая всеми их свойствами, выдвигают на первый план семантический центр – стержневое слово, построенное на метафоризации, на непрямом завуалированном значении и выступающее обычно в вежливом или смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления. Каждый тематический ряд разговорных формул крымскотатарского языка выдвигает на первый план свои стержневые слова, воплощающие какую-то определенную тему, известный мотив, иногда с прямым его наименованием, иногда с образно-переносным значением компонентов, так как именно «стержневое слово... играет важную роль в создании образа». Сущность исходных лексических значений таких слов – компонентов весьма неоднороден. Известно, что уже первичные процессы познания человеком окружающей действительности происходят благодаря ощущениям, связанным с теми или иными органами чувств. Самые разнообразные действия, начиная с простейших, осуществляются человеком при помощи различных частей тела: ног, головы, рук – не говоря уже о том, что развитие трудовой деятельности человека непосредственно связано с рукой. Кроме того, само человеческое тело является одним из объектов науки, которые подвергались многочисленным исследованиям и наблюдениям. Человеку свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего удобнее всего было соотносить прежде всего с частями своего тела. Так в состав крымскотатарских разговорных формул вошли соматизмы.

Лексема *баш* 'голова' входит в состав различных по своей структуре и лексико-грамматическим особенностям формул. Формулы, имеющие в своем составе существительное *баш* 'голова', характеризуются выражением богатой гаммы чувств, душевного состояния и отношения его к окружающим явлениям, позитивные или негативные оценки поступков и действий.

Позитивную характеристику эта лексема реализует в составе формулы сочувствия, негативную же – в составе формулы проклятия. Так, формула сочувствия, в состав которой входит существительное *баш*: «*Эмир Алла, башынъыз сагъ олсун*» – принесение сочувствия в связи со смертью близкого, родного человека, – строится на принципе, согласно которому *баш* переосмысливается, и если в русском языке «примите наши соболезнования» имеет смысл совместного сопереживания чувствования и близкого принятия к сердцу горя человека, у которого кто-то скончался, то в крымскотатарском языке указанная формула означает совсем иной смысл. Смысл переживания заключается в том, чтобы был здоров и жив именно этот человек, которому приносятся соболезнования 'правит Аллах, дай Бог, чтобы ваша голова была здорова'. При этом лексема *баш* становится символом глубокого уважения, почтения, ибо по традиции у крымскотатарского народа *баш* 'голова' воспринимается как нечто особенно ценное в человеческой жизни, что естественно, а следовательно принести соболезнования – оказать большую честь.

В формуле *баш язысы* – 'то, что написано на роду' выражена глубокая покорность, присущая крымским татарам, фаталистам в душе, верящим в заведомую предначертанность всего, того, что произошло или произойдет, и принимающих все данное как должное. '*Башындан кечирди*' говоря о человеке, который много пережил, прошел определенные испытания.

Формулы со словом *баиш* в крымскотатарском языке сообщают не только позитивное содержание, но в ряде случаев и негативный смысл. Так, лексема *баиш* в составе формулы проклятия '*ба-шыньдан кьалсын*', сочетаясь с глаголом *кьалсын* (останется), означает и заключает в себе высокую степень негодования, иногда даже пожелания гибели адресату, в то время как сама формула буквально означает «чтобы осталось от головы твоей». Здесь также следует отметить, что слово *баиш*, входя в состав формул различных разрядов (в данных случаях соблезнования и проклятия) приобретает различные свойства и смыслы, то есть развивает полисемию, придавая формулам как позитивную, так и негативную оценку, как нами отмечалось выше.

Наиболее продуктивным стержневым словом в составе различных тематических разрядов формул крымскотатарского языка является также слово *козь* – ‘глаз’. Данная лексема характеризуется широким употреблением в качестве стержневого компонента указанных формул. По своим потенциальным семантическим возможностям она чрезвычайно продуктивна. Она может входить в состав различных по своему глобальному значению формул, а также выдвигать на первый план сему, связанную с положительной или отрицательной семантикой.

Так, например, это слово может входить в состав формулы поздравления '*Козюнъиз айдын олсун*'. Стержневое слово *козь*, также как и слово *баиш*, развивает семы, связанные с радостью, почтением, глубоким уважением. Само слово *козь* в представлениях крымскотатарского народа является священным, выражающим самое дорогое и близкое: *козь бебеги* – ‘зеница ока’.

Для лексем *козь* характерно не только выражение позитивных идей, она также является структурным центром значительного по объему пласта разговорных формул, имеющих ярко выраженный негативный характер. В таких случаях формулы часто связаны с пожеланием адресату – наоборот – всего самого наихудшего, болезней, упадка авторитета, полного ухода из жизни. Для подтверждения сказанного можно привести формулы: *козюнъ чыкъсынъ* – ‘пусть вытечет твой глаз’, *козюнъе шииш кирсин* – ‘чтобы в глаз тебе вошла шампура’, *эки козюнъ кёр олсун* – ‘чтобы ослепли оба твоих глаза’. В данных формулах это слово приобретают значение пожелания адресату зла, болезни, в результате чего он должен остаться без глаза.

Употребление слова *козь* как в позитивном, так и в негативном значении в крымскотатарском языке объясняется полисемией данного слова, развиваемой в составе формул.

Входя в состав многих формул в крымскотатарском языке, стержневое слово *бет* ‘лицо’ означает в ряде случаев сугубо негативные отношения говорящего к чему-либо.

Так, стержневое слово *бет* – разговорный вариант книжно–литературного *юзь* входит в состав употребительной формулы проклятия *бетинъ кьурсын* – ‘чтобы лицо твое иссохло’. В данном случае это слово в сочетании с глаголом *кьурутмакъ* ‘высушивать’, в императивной форме выдвигает на первый план сему пожелания адресату всего самого плохого и связано с выражением презрения, негодования.

Стержневые слова *юзь* – *бет* – *чырай* во многих случаях используются для отрицательной характеристики людей. Сравните *бетсиз* – ‘без лица’, иначе ‘бессовестный’, *сытыкъ чырай* – ‘неприветливое лицо’, в значении ‘черная душа’. Как показывает собранный и исследованный материал, слово ‘лицо’ не выступает в качестве стержневого центра в формулах, носящих положительный характер.

«Почти все действия человека во всех сферах его жизни связаны непосредственно с руками, что и определило, несомненно, широкое участие этого слова в различных формулах разговорной речи». Лексема *кьол* ‘рука’ в крымскотатарском языке может давать и позитивные и негативные оценки, выражать как симпатии, так и антипатии говорящего по отношению к адресату. Так, в формуле *Кьолунъыз дерт корьмесин* – ‘Чтобы ваши руки не знали болезней’ выдвигается идея благословения. В целом эта формула выражает пожелание адресату долгой жизни, крепкого здоровья, радости с оттенком благодарности и покорности по отношению к собеседнику. В другой формуле благословения *Таш тутсанъ, алтын олсун* – ‘Возьмешься за камень, пусть он станет золотом’ нет самого слова *кьол*, но оно настолько присутствует косвенно, что у человека это не вызывает сомнений. Или *Кьолунъ узанган ерге этсин* – ‘Пусть дотянется ваша рука до того, чего вы желаете’. Указанная формула тесно связана с пожеланием собеседнику более конкретных благ: достатка, благоденствия, богатства и т. д.

Однако стержневому слову *кьол* присущи не только положительные значения в составе формул, но и негативные. Так, формула проклятия *Иляйим, кьолларынъ кьурсын* – ‘Дай Бог, чтобы твои

руки высохли, иссохли' строится на образе причинения физической боли, болезни, из ненависти и ожесточения по отношению к адресату.

Как показали материалы исследования, лексема *кьол* 'рука' участвует в составе различных формул крымскотатарского языка, прежде всего в положительном значении, хотя встречаются и отрицательные значения.

Таковы примеры эмоционального и экспрессивного в крымскотатарской речи. Здесь, кроме выражения чувств, каждый чувствует с и л у э к с п р е с с и и. Следовательно, экспрессивность – это те средства речи, которые делают ее выразительной, воздействующей и изобразительной.

Экспрессивность свойственна не только разговорной крымскотатарской речи, не только языку писателей-художников, но и языку ученых, хотя на первый взгляд кажется, что речь ученого бесстрастна, спокойна, лишена аффектации. Экспрессивная речь настолько действенна, что поневоле поддаешься силе убеждения ученого, заражаешься чувствами поэта-лирика. Экспрессивно произнесенная речь публициста, общественного деятеля подчиняет ум и волю своей воздействующей силе.

Экспрессивность в таких случаях усиливает точность и ясность мысли, делает более сильной эмоциональность. Чем правдивее излагаются факты, тем убедительнее речь, чем богаче эмоциональная система говорящего, тем захватывающее и эмоциональнее его язык. Содержательность речи, облеченная в экспрессивную форму, становится особенно яркой и впечатляющей. Экспрессивность в крымскотатарском языке (мы говорим о лексике) проявляется путем постановки синонимических пар:

1) в именах прилагательных очень ярко экспрессивные выражения в противопоставлении с менее экспрессивными: *кирли* (грязный) – *пис* (нечистоплотный); *лязим* (необходимый) – *керек* (нужный); *мунир* (блестящий) – *парлакь* (сверкающий); *мукъаддес* (священный) – *азиз* (святой);

2) нарастание экспрессивности может быть выражено в именах существительных: *кьытмыр* (жмот) – *кьызгъаныч* (жадина); *афакъан*, *гъарез* (ярость) – *ачув*, *оке* (злость); *изин* (позволение) – *рухсет* (разрешение); *гъурур*, *магърур* (гордость) – *кибир* (высокомерие); *дженк* (война) – *муарребе* (битва); *кьысмет* (удел) – *такъдир* (участь) – *фелек* (судьба); *маскъаралыкъ* (позор) – *резалет* (срам); *саткъын* (продажный) – *хаин* (изменник);

3) нарастание экспрессивности может быть выражено в глаголах: *азарламакъ* (третировать) – *ашаламакъ* (унижать); *барышмакъ* (сойтись) – *муаббетлешмек* (помириться); *гебермек* (сдохнуть) – *ольмек* (умереть) – *вефат этмек* (скончаться) – *эляк олмакъ* (погибнуть); *зеэрленмек* (жрать) – *зыкьымланмакъ* (давиться, в смысле есть торопясь) – *сыпыртмакъ* (уплетать) – *ашамакъ* (есть); *дарылмакъ* (обижаться) – *шишимек* (дуться).

Рассмотрев существующие характеристики стилистически маркированных средств, мы приходим к следующим выводам.

Поскольку наличие у слова стилистической окраски или стилистического ореола и особенности функционирования таких слов зависят от того, содержат ли они в себе сведения о каких-либо обстоятельствах речи или вызывают те или иные ассоциации, именно – дополнительную информацию и ассоциативную способность, следует признать дифференциальными признаками соответствующих групп языковых средств крымскотатарского языка.

Следовательно, элементы крымскотатарского языка, относимые нами к стилистически маркированным средствам, делятся на три различающихся по своим дифференциальным признакам группы: а) элементы, специфика которых в их неразрывной связи с породившими их экстралингвистическими факторами; б) элементы, способность которых вызывать стилистическое впечатление обусловлена их ассоциативными связями с теми или иными речевыми обстоятельствами; в) элементы, способность которых вызывать стилистическое впечатление объясняется заключенной в них непредметной стилистической информацией.

В связи с изложенным представляется следующая градация классов:

а) средства, дифференциальным признаком которых является неразрывная связь с породившими их речевыми условиями, целесообразно назвать конструктивно-стилистическими или функционально-стилистически окрашенными средствами;

б) ассоциативно-стилистические средства, или оценочно-стилистически окрашенные средства отражают дифференциальный признак средств, ассоциирующихся с теми или иными обстоятельствами общения;

в) средства, заключающие в себе непредметную стилистическую информацию, то есть стилистически окрашенные средства.